

12+

ΑΓΑΕΒΑ C.A.

ΑΗΛΑΡ

# **С. Агаева**

## **Анар**

*<https://litres.ru/74283494>*

*ISBN 9785007073721*

### **Аннотация**

«Анар» — книга о любви, памяти и выборе жить. Это история человека, который сумел окончить университет, создать семью, стать любящим мужем и отцом, работать, поддерживать близких и сохранять чувство собственного достоинства до конца своих дней. Книга написана матерью. В ней нет вымысла и попытки приукрасить прошлое — только воспоминания о сыне, о семье, о силе характера и о жизни, которая продолжается даже тогда, когда кажется, что всё потеряно.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| РОЖДЕНИЕ                          | 5  |
| ОЖИДАНИЕ                          | 6  |
| НОГИ                              | 7  |
| ГЕНЕРАЛ                           | 8  |
| СОКРОВИЩА                         | 9  |
| КУЛАКИ                            | 10 |
| КРУГ                              | 11 |
| ИНЖЕНЕР                           | 12 |
| ГРЕЦИЯ                            | 14 |
| РЕВИЗОР                           | 15 |
| ЗАЩИТНИК                          | 16 |
| ПРИГОВОР                          | 17 |
| ТОРНАДО                           | 20 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 22 |

# Анар

**С. А. Агаева**

*Есть люди, чьё отсутствие слышно громче  
любого присутствия.*

**АНАР**

© С. А. Агаева, 2026

ISBN 978-5-0070-7372-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# РОЖДЕНИЕ

Врачи говорили, что он родился удивительно легко.

— Какой красивый мальчик.

— И какой спокойный.

— Хорошим будет сыном.

Тогда я еще не понимала, насколько пророческими окажутся эти слова. Для врачей «хороший сын» означало одно. Для меня — совсем другое.

Он действительно был спокойным. Но не слабым. В нем с самого детства было внутреннее достоинство. Есть дети, которых воспитывают. А есть дети, которые будто уже приходят в мир с готовым характером. Он был именно таким. Я замечала это в мелочах: в том, как он смотрел людям в глаза, как молчал, когда другие оправдывались, как умел держать слово.

# ОЖИДАНИЕ

В первый день я отвела его в детский сад и опаздывала на работу. Воспитательница отвлекла его игрушкой, и я быстро вышла, почти убежала. Я весь день думала о нём и в пять часов побежала забирать.

Когда я вошла в группу, он сидел на маленькой табуретке напротив двери. Он почти спал. Мне сказали, что он просидел там весь день и ни разу не ушёл играть. Он ждал, когда я вернусь.

Это было первое ожидание в его жизни.

# НОГИ

Я мыла полы. Он вбежал с улицы — ему было лет пять или шесть.

— Не заходи с грязными ногами! — сказала я.

Он остановился на пороге и посмотрел на меня серьёзно:

— А как мне снять ноги?

# ГЕНЕРАЛ

В детстве ванна превращалась в океан. Там плавали утята, самолетики. Я сооружала ему из густой белой пены погоны на плечах и высокую корону на голове.

— Смотри, ты настоящий генерал! — говорила я, и он замирал, выпрямлял спину, принимая эту игру с полной серьезностью.

Прошло пятнадцать лет. В нашей жизни многое изменилось. Но когда родился младший, Дениз, я увидела чудо возвращения. Анар, уже взрослый, сидел рядом, когда я купала малыша. Его руки с удивительной нежностью подхватывали облако пены и бережно опускали его на крохотные плечи братика.

— Смотри, братишка, какой ты генерал...

В этот момент я поняла: всё, что мы вкладываем в детей, не исчезает. Оно продолжается дальше.

# СОКРОВИЩА

Анару было лет восемь. У каждого мальчишки того времени была своя святыня — коробка с игрушками из «Киндер-сюрпризов». Он собирал их долго, бережно, гордился каждым редким фрагментом, каждой фигуркой, добытой из шоколадного яйца. Это была его личная сокровищница.

Помню, к нам пришли друзья с пятилетним сыном. Малыш, уходя, тайком сжал в кулаке одну из фигурок. Заметили. Мама стала ругать его, требовать вернуть, мальчик покраснел, съёжился от стыда...

И тут мой восьмилетний Анар сделал то, чего я не ожидала. Он не стал забирать свое. Он посмотрел на пристыженного ребенка, на его загоревшиеся глаза, вынес всю коробку. Всю. И протянул мальчику.

— Забирай всё.

Все молчали.

— Но это же твои игрушки... — растерянно сказала женщина.

— Я уже вырос из них. Мне учиться надо, — ответил Анар.

# КУЛАКИ

Ему было лет десять. Мы шли по улице. Двое взрослых мужчин что-то сказали мне вслед. Ничего грубого — скорее комплимент. Но Анар мгновенно вырвался вперед:

— А ну повторите, что вы сказали!

И с кулаками бросился на двух взрослых мужчин.

Картина была настолько неожиданной, что они растерялись и начали... извиняться. До сих пор улыбаюсь, вспоминая, как два огромных мужчины просили прощения у десятилетнего мальчика.

# КРУТ

Позже среди бумаг Анара я нашла пожелтевшую грамоту по греко-римской борьбе. Глядя на неё, я снова оказалась в том душном кабинете директора школы. Седьмой класс. Семь обвиняющих взглядов и один — его. Спокойный, почти отстраненный.

На Анара смотрели как на агрессора, на «борца», который не рассчитал силу. Мамы «пострадавших» требовали расправы, а мой сын молчал. Он стоял и молчал, но в его молчании было больше достоинства, чем во всех криках взрослых. Я видела его волнение по дыханию, чувствовала эту несправедливость кожей. «Почему ты молчишь, сын?» — кричало всё внутри меня. А он просто выслушивал эти крики и обвинения. Он не оправдывался, глаза блестели от слез, но он не проронил ни единой капли.

И когда дверь распахнулась, его одноклассники ворвались внутрь, и Катя, пряча глаза, рассказала о том «круге», из которого Анар её вытолкнул, приняв удар на себя... мир в кабинете перевернулся. Педсовет извинялся. Учителя прятали взгляды. Анар принимал эти извинения так же спокойно, как и обвинения.

# ИНЖЕНЕР

Мой вход в его комнату всегда был осторожным. Я знала: за этой дверью физика перестает быть параграфом в учебнике и становится живой стихией.

Стоило мне нажать на ручку, как механизмы приходили в движение. Натянутые шпагаты, сложная система противовесов — и вот уже самодельные машинки послушно катятся по своим невидимым трассам. Но самым главным был момент, когда из угла, едва не задев мою макушку, вылетал его очередной летательный аппарат.

— Получилось! Мама, смотри, эксперимент удался!

Его восторг был заразительным. Он не просто учил стихи или решал задачи по физике — он приручал пространство. Ему всегда хотелось понять: «Как все устроено? И как заставить это летать?».

Я стояла, пригнувшись, и смеялась вместе с ним. Тогда я еще не знала, что наступит время, когда нам придется искать новые способы «летать», когда движения тела станут невозможны, но та самая инженерная мысль и радость от удавшегося эксперимента останутся его главной опорой.

Помню, как однажды мы затеяли с ним реставрацию нашего старого кухонного уголка. Вдвоем, только он и я. Мы часами возились с инструментами, спорили, подгоняли детали, красили. Каждое движение его рук было точным и вы-

веренным. Когда всё было закончено, мы долго сидели на кухне и радовались результату нашего общего труда. Уголок стал идеальным.

# ГРЕЦИЯ

Ему было пятнадцать. Последнее лето перед тем, как мир разделился на «до» и «после».

Мы поехали в Грецию к друзьям. Анар мгновенно и безоговорочно влюбился в эту страну — в её прозрачный, соленый воздух, древние камни и бесконечную синеву. Это было время абсолютной, ничем не омраченной свободы. Я закрываю глаза и до сих пор вижу этот кадр, залитый ярким средиземноморским солнцем: мой высокий, здоровый мальчик, смеясь, гоняет стаи голубей на площади, шумно ныряет в теплые морские волны, ест мороженое, которое тает на солнце быстрее, чем он успевает его слизывать.

В его движениях тогда было столько легкой, молодой силы, столько уверенности в завтрашнем дне. Он просто жил, дышал на полную мощность и радовался каждому мгновению.

Воспоминания о тех греческих днях до сих пор волнуют и радуют меня. Они остались в моей памяти как островок вечного, недостижимого лета, где мой сын — абсолютно счастлив, абсолютно свободен и у его ног лежит весь мир.

# РЕВИЗОР

Учеба давалась Анару легко, без зубрежки. Он с удовольствием участвовал в школьных спектаклях. До сих пор помню его в роли Хлестакова в гоголевском «Ревизоре». Накладные бакенбарды, накладной живот, длинный монолог, выученный наизусть. Голос, мимика, жесты — все было настолько убедительно, что казалось, на сцене играет настоящий актер. После спектакля под впечатлением остались и учителя, и родители.

# ЗАЩИТНИК

Они с сестрой учились в одной школе. Стоило мне рассердиться на Лами, как Анар мгновенно вырастал на моем пути. Он заслонял сестру собой, смотрел на меня своими огромными глазами и твердо говорил: — Мама, она тут ни при чем. Это я виноват.

Шли годы, но ничего не изменилось.

Он по-прежнему оставался ее защитником. Провожал на вечеринки, решал за нее задачи по физике и алгебре. А когда они стали взрослыми, Лами уже сама шла к брату за советом. Он никогда не давил, не поучал. Спокойно выслушивал, рассуждал, объяснял. Некоторые вещи она доверяла только брату.

# ПРИГОВОР

Наша жизнь была прямой и понятной. Анар бегал, играл в футбол, строил планы, в которых болезнь не была предусмотрена.

Первая трещина в этой идеальной картине появилась незаметно. Сначала это была просто «подростковая неуклюжесть». Мы списывали это на рост. «Перерастет», — говорили знакомые. Но материнское сердце чувствовало беду. Я видела, как его походка теряет ту легкую уверенность, которая была раньше. Линии его движений стали ломаными.

В 16 лет прозвучало страшное слово: «Предположительно...». Врачи говорили туманно, отводя глаза. Мы жили в ожидании приговора, и это ожидание было страшнее самой болезни. Мы пробовали всё: массажи, обследования, молитвы. Через каких только шарлатанов нам ни пришлось пройти. Мы хватались за все. Но биологические часы уже запустили свой обратный отсчет.

Когда это случилось — окончательно и безоговорочно — мир вокруг нас словно замер. Ему было семнадцать. Возраст, когда нужно бежать навстречу жизни, а он... он взял в руки ходунки. Он смотрел на них со злостью, кричал, зачем я купила их, говорил, что не собирается становиться беспомощным. Несколько дней вражеские ходунки стояли в стороне. Однажды он попросил пододвинуть их. Мой высокий, стат-

ный мальчик повис всем телом над этими ходунками.

И пошел. Весь институт он преодолел на ходунках, упорно отвоевывая у пространства каждый метр.

Перелом случился в другой стране, во время реабилитации после диплома. Чтобы успевать на процедуры, чтобы не тратить драгоценные силы на борьбу с длинными коридорами, он пересел в коляску. Мы оба верили в то, что это временно. Но жизнь распорядилась иначе: временное стало постоянным.

Однажды я выкатывала его из дома и на пороге не рассчитала уклон. Коляска качнулась, и в следующую секунду мы оба летели на землю. Глухое падение, пыль, тишина. Я увидела его перепуганное лицо, и в сердце кольнул ледяной ужас. Но в тот же миг внутри что-то щелкнуло. Мы начали смеяться.

Мимо проезжал огромный автомобиль. Молодые, здоровые парни за стеклом смотрели на нас как на умалишенных: на земле валяются женщина и парень в перевернутой коляске и хохочут. Они затормозили, подбежали на помощь... А мы не могли остановиться. Сын знал эту мою особенность. В самый страшный момент у меня мог начаться приступ смеха. Мы часто вспоминали тот случай. Больше я никогда его не роняла.

Нашей основной целью было приостановить течение заболевания, не дать ему прогрессировать. Смирились ли мы? Не стану врать — конечно же, нет. Мы искали пути к выздо-

ровлению. По-разному. По-своему. Нам не дано повлиять на срок, отпущенный на Земле, но качество жизни в наших руках. И я поклялась себе, что сделаю все для того, чтобы мой мальчик был счастлив.

# ТОРНАДО

Говорят, что между детьми с разницей в пятнадцать лет лежит пропасть. Но в нашем доме Анар построил через эту пропасть мост.

Сначала в нашем доме были только одни быстрые ноги — ноги Анара. Потом эти ноги затихли. Появились колеса. А затем в эту тишину ворвался топот маленького Дениза.

Разница в пятнадцать лет сделала этот звук почти болезненно звонким. Пока Анар молча сидел в своем кресле, Дениз кружил вокруг него, как маленький спутник вокруг планеты. Я наблюдала, как Анар смотрит на бег брата. В его взгляде не было зависти — в них было любование. Он словно проживал этот бег заново через Дениза.

Дениз не признавал тишины, в которой Анар иногда пытался укрыться от усталости. Малыш забирался на кровать, стягивал одеяло, теребил волосы — он требовал, чтобы брат вернулся в его мир, мир игры и движения. Анар смотрел на Дениза и видел в нем не просто младшего братишку, а продолжение себя — того, который еще может бегать. Анар стал для него и другом, и братом, и примером.

Я часто замирала в дверях, наблюдая, как они общаются. Анар руководил «операциями» Дениза: как собрать сложный конструктор, как решить задачу, как постоять за себя. Он не читал лекций. Он просто был рядом, хотя уже давно

вырос из игрушек, но готов был играть в них ради брата.

Но однажды эта игра едва не обернулась бедой. Грохот обрушившейся мебели разрезал тишину в доме. Тяжелый шкаф рухнул неожиданно. Анар, который в те дни каждый шаг делал как последний подвиг, преодолевая сопротивление собственного тела, вбежал в комнату первым. Он стоял среди руин — полстенки внизу, — и не видел Дениза.

— Дэнька! — этот крик был громче любой физической боли.

Оказалось, маленькое чудо произошло благодаря железу. Непоседа Дениз, прыгая с полки на полку, успел юркнуть под велотренажер Анара. Тот самый тяжелый, угрюмый тренажер, у которого старший брат проводил часы, сражаясь за свои ноги, принял удар на себя. Крепкий металл выдержал вес шкафа, создав для ребенка безопасный кокон.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.